

Живая натура

Частности Ивана Коваленко

Вет. Москва.
1999. — 24 сент.
С. 6

Первым его рисунки похвалил
маршал Жуков

Иван Коваленко. Фотографический автопортрет на фоне...

Дарья АКИМОВА

Иван Коваленко родился восемьдесят лет назад в семье украинского крестьянина под Полтавой. На старых фотографиях отца, которые развешены в его мастерской, почему-то лицо благородного дворянина в усах и при параде — интересно, где это вы видели таких крестьян? Мать, портрету которой он земно кланяется каждый раз, когда переступает порог, — красавица. Это она назвала его Иваном — в честь старшего сына, который нелепо погиб, простудившись весной в поле. Тот, старший Иван, был от рождения рисовальщиком.

— Я так думаю, что это она, мать, мне передала его душу. Откуда у меня иначе желание рисовать? Меня ведь никто никогда ничему не учил. Только, пожалуй, не пиши, что я самоучка. Меня не учили, я сам учился — всю свою жизнь. Сколько провел часов в том же Пушкинском музее, копируя мастеров! Тогда ведь это все было просто... Как только кончилась война, я и начал писать...

Сначала — для себя, понемногу. Потом уже стал собирать огромные альбомы собственной акварели. Неизвестно, чего больше в его работах — живописи или поэзии. Его проза, «лирические откровения», к которым

он сам относится весьма скептически, сопровождают почти каждую живописную работу Коваленко. Чем более отвлеченная акварель, тем пронзительней и больней рассказ.

«На Полтавщине у меня никого не осталось. Отец попал под оккупацию, прятался сутками в траве, чтобы его не увидели деревенские и не выдали, потому что у него два сына на фронте. Какая странная, непонятная ненависть. А немцев хлебом-солью встречали. Да разве можно так?».

Его, пронзительного «шукшинского» писателя, знают единицы — он никогда не придавал значения собственным «литературным опытам». Ну писал и писал — так уж получалось. Просто хотелось выговориться. Или вспомнить. «Прости меня, брат», — написал Коваленко однажды. Брата звали Микола. Такой же красивый, как отец. Такой же молчаливо-спокойный. Погиб на войне — Коваленко, кажется, и теперь считает, что «вместо меня».

Это от семьи Иван Леонтьевич научился «молчанию о себе». Свою жизнь вообще называет «частностью». Да и в его профессии художественного оформителя (Коваленко — член плакатной секции Союза художников) есть нечто загадочно-самоотрешенное. Между прочим, плакаты к знаме-

Иван Коваленко.
Фотонатюрморт. 1999

ниту «Ивану Грозному» для кинотеатра «Октябрь» рисовал именно он. В «Октябре» он проработал лет сорок, если не больше. Помнит все советские фильмы; думает, что искусство настоящего плаката ушло в прошлое. «Это только считается, что плакат — вещь низкого пошиба. Считается потому, что мастеров настоящих нет...»

Он вырастил, наверное, не один десяток живописцев, пока преподавал в Управлении кинофикации Москвы, но своих «особых заслуг» тоже не признает, несмотря на звание почетного кинематографиста. «Да кто сейчас добровольно станет заниматься живописью — многие из моих учеников давно это дело бросили».

Есть одна персона, о которой он вспоминает с охотой — Георгий Жуков. Маршал (наверное, первым) похвалил рисунки Коваленко. Под Москвой в сорок первом сержант Иван Коваленко готовил связистов — ученический «контингент» был в основном женским. Жуков захаживал, присаживался, брал в руки полковой баян... Девочки эти «передышки» обожали. Тот баян теперь стоит у Коваленко в мастерской — заваленный картоном, бумагами. В комнатке, правда, вообще следа живого места нет — сплошные «следы жизни», о которой он предпочитает не распространяться. Как и о том, что был знаком с Солженицыным, работал с Андреем Тарковским.

Вот поговорить «о судьбах искусства» — это пожалуй. Он пессимист, но не безнадежный.

— Вот я смотрю на васильки в вазе — вы ведь любите эти цветы, да? У меня уже целый цикл акварелей с этим букетом. Здесь каждый день — разное настроение. И у меня, и у цветов. А вот жена моя совсем по-другому воспринимает те же цветы: начала вянуть — и сразу их выбрасывает, вазу моет. А я не могу — мне жалко. Ведь и человек точно так же «вянет». Что ж его, выбрасывать? Вот у меня и живут на подоконнике все эти сухие васильки, гвоздички...

Акварелист высшего пилотажа, пейзажист, он уже довольно давно перестал ездить на природу. «Зачем? Учиться копировать природу мне уже не нужно — поздновато будет. Конечно, есть художники и получше меня, но ведь каждый взгляд на жизнь — он неповторимый, правда?».